

В.С.Магун. О постсоветском развитии России в глобальном мире

В 1985 году вышла книга Л.А.Гордона и А.К.Назимовой «Рабочий класс СССР: тенденции и перспективы социально-экономического развития» (М.: Наука, 1985), в которой, на мой взгляд, содержались идеи, многое объясняющие в развитии советского и российского общества в последующее 15-летие. Авторы говорили, в основном, об экономике и профессиональной структуре общества, у них в книге (возможно по цензурным соображениям) не было слов «модернизация» и «постмодернизация», но зато они впервые сформулировали представление о неоднородности советской экономики и о сосуществовании в ней трех принципиально разных технико-технологических укладов: доиндустриального (!), индустриального и научно- (т.е. пост-) индустриального. Отсюда авторы делали вывод, что в СССР к середине 80-х гг. назрели два разных перехода: от доиндустриальной экономики к индустриальной, и от индустриальной – к постиндустриальной. По сути дела, на этом, скорее экономическом, нежели социологическом, языке была впервые сформулирована идея о двух более общих переходах, на пороге которых стояла Россия и которые составили основное содержание ее развития в конце 80-х и в 90-е гг. Речь идет о процессе завершения модернизации (перехода от традиционного общества к современному) и о процессе перехода от современного к постсовременному развитию.

Оба эти перехода разворачиваются в неотъемлемой связи с развитием процессов глобализации. Глобализация получила мощнейший импульс в результате осуществленного М.С.Горбачевым и его сподвижниками открытия СССР окружающему миру и снятия барьеров на пути движения информации, людей и товаров. В итоге СССР оказался включен в общемировые процессы не только через ракетное противостояние, но и через многообразные формы более дружественного взаимодействия. Но это же открытие СССР миру дало мощный импульс очередному рывку догоняющего развития, характерного для исторической динамики России на протяжении последних 300 лет. (Глубокий анализ подобного развития на протяжении XX века см. в книге: А.Г.Вишневский. Серп и рубль. Консервативная модернизация в СССР. М.:ОГИ, 1998).

Именно двойственный характер развития российского общества, одновременное наличие в нем процессов, идущих в противоположных направлениях (в частности, потому, что постсовременность воспроизводит на новом уровне некоторые черты традиционной архаики, от которых стремится уйти современность) создает

дополнительные трудности на пути социологического анализа и понимания происходящих перемен.

Эти трудности усугубляются и распространенным среди социальных ученых критическим отношением к догоняющему развитию как таковому. И если, например, в работах Н.Ф.Наумовой подобное критическое отношение сочетается с признанием и точным анализом процессов «рецидивирующей модернизации» (см., в частности: Н.Ф.Наумова. Рецидивирующая модернизация в России как форма развития цивилизации // Социологический журнал, 1996, № 3/4), то во многих других случаях ценностная позиция исследователя затрудняет видение реальной социальной динамики российского общества.

Отмеченная конфликтная двойственность современного российского развития еще более усиливается из-за того, что те самые страны мира, которые прежде демонстрировали нам эталоны *современного* общества, в последние десятилетия все определеннее переходят на следующую, *постсовременную* фазу своего развития, связанную с частичным разочарованием в достижениях современности и их пересмотром. Все это ведет к тому, что в России и в других странах догоняющего развития (еще, напомним, не завершивших модернизации) запаздывающая модернизация теперь идет одновременно с запаздывающей постмодернизацией, что создает сильнейшие культурные напряжения в российском обществе.

Получается, что новые ориентиры и идеалы, которые только-только начали формироваться в российском обществе, тут же получают сильнейший удар со стороны *новейших* ориентиров, утверждающихся в странах опережающего развития. Вот например, мы наблюдаем, как в России формируется мотивация достижения и благосостояния, этика индивидуального успеха, потребительские ценности. А в это самое время наши западные коллеги сообщают нам, что в США и европейских странах эти ценности уже "выходят из моды" и им на смену идут "постматериалистические", или постсовременные, ценности (см.: R. Inglehart. Modernization and Postmodernization: Cultural, Economic, and Political Change in 43 Societies. Princeton: Princeton University Press. 1997.) То же самое происходит и с идеалами рациональности: российские социальные науки только с горбачевских времен получили возможность свободно осваивать "позитивистские" достижения западной социологии, политологии, социальной психологии, а на них уже накатывает волна постмодернистской критики этих достижений, возникшая на Западе, но разделяемая и авангардными группами в российском научном сообществе... Список подобных коллизий можно легко продолжить.

Это переплетение, конфликтное взаимодействие и взаимовлияние в российском обществе разных процессов – модернизации, постмодернизации и реактивной традиционализации – изучать нелегко. К тому же, в зависимости от ценностных и мировоззренческих предпочтений у ученого возникает искушение видеть в российских реалиях либо только ростки постсовременности, либо только завершение модернизации, либо только возврат к традиции. Но именно в силу всех этих трудностей необходимость адекватно описать социальные изменения в российском обществе и понять их противоречивую природу является для социальных ученых достойным вызовом.